

Реалогия детства: вещные модусы культуры в аспекте антропологии возраста

Научный руководитель – Шипулина Наталья Борисовна

Дащинский Владислав Викторович

Студент (бакалавр)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград,
Россия

E-mail: vladmessiya@mail.ru

В детстве между ребёнком и вещью доминирует не эпическая дистанция (это доминанта другого возраста), а лирическая, причём самая интимная и искренняя, но ребёнок, сам того не ведая, активно занимается эпосом: «Одиссеей» при освоении домашнего пространства, где он исследует не только окружающие его факты, но и пытается обозначить своё бытие. Выразителем его бытия, нуждающегося в подтверждении, выступают вещественные следы.

Под *реалогией детства* мы понимаем особое антропологическое пространство ребёнка, наполненное и структурируемое не только социокультурной, психической реальностью, но и реалогической, то есть вещественным пространством, единичностями, нуждающимися в осмыслении, в освоении. Детство - это период наполненности человека миром, когда ребёнок ещё не в полной мере вступил в «эру активного управления вещами и силами», когда ещё возможны такие модусы архаического отношения к вещам, как любовь, верность и доверительное общение». [Шипулина: 161]. Здесь и начинаются особые отношения ребёнка с вещами: он понимает, что они могут означать его присутствие, поэтому заключает с ними определённый договор (важно, что не контракт, а именно *договор*, в этимологии слова которого имеется значение «речь, разговор»): «Я оживлю тебя, а ты поможешь мне расширить и семантизировать моё бытие». «Реанимирование» - есть духовное освоение предмета, освоение посредством его номинации, создания для него определённой мифологической истории, в которой оживляется его способность *вещать*. По М. Эпштейну [Эпштейн: 17], «предмет превращается в вещь лишь по мере своего духовного освоения». Ребёнок по мере освоения сродняется с вещью, и между ними образуется определённая онтологическая система взаимодействия, начинается интенсивный смысловой обмен: появляются рассказы о вещах («Щелкунчик и Мышиный король» Гофмана), шкафы, которые становятся входом в другие миры («Хроники Нарнии» К. Льюиса); героические странствия в «страшные» места домашнего пространства (тёмный чулан, подвал, «подкроватье»), где ребёнок инициализируется (здесь эпос «Илиады», «Беовульфа»); демонстрация Другому лично обжитых мест: фраза «Пойдём, я покажу тебе одно место», при этом сопровождающаяся какими-либо ритуальными действиями, например, завязывание глаз, хранение молчания; «скупость сочувствия» к вещам, то есть особое «философское внимание» к ним, оправдание их существования в системе мироздания.

Вещь, «расколдовываясь» ребёнком, обрастает новыми онтологическими, категориями: памятью о ней, «домашностью». Поэтому особенными для ребёнка становятся различные подарки, шкатулки, в которых он хранит различные мелочи; нерукотворные находки (камни, раковины, листья, цветки, семена и косточки плодов, кости животных), которые в ходе духовного и практического освоения (причём освоения Другого, того, что лежит вне дома), можно присвоить как особые трофеи; коллекции; безделушки; игрушки, которые выполняют сюжетобразующие функции, подвергаются постоянным материальным, вещетворческим превращениям.

И весь этот ансамбль вещей участвуют в играх ребёнка-кукловода. Например, он переносит сюжеты кинематографа в свой мир, при этом насыщая и обогащая их своим видением и сознанием: так, какой-нибудь злодей из фильма мог пройти духовную трансформацию и стать на путь добра; некоторые игрушки могли исполнять роль то героя, то злодея, причём на лингвистическом уровне характерны обращения к ним ребёнка, который просит прощение за навязанную им роль. Вещь обретает особый модус существования - игровой, становясь *res ludens*. Изменяя способы бытийствования вещей, ребёнок создаёт особое экзистенциальное пространство, в последствии оказывающееся «лирическим музеем» (то есть лирическим модусом), где оправдана каждая единичность вещи, где она имеет собственную биографию.

Также мы выявили и считаем значимыми следующие свойства вещей в мире ребёнка:

- 1) Материальная превращаемость;
 - 2) Околдованность, чары в отношениях ребёнка и вещей. «Одуванчик вообще играл в моём мире особую роль, которую можно сравнить разве лишь с отношением к племенному тотему» [Соколовский: 710-711].
 - 3) изнашиваемость вещей, технологическая, товарная, эстетическая, но с остающейся для человека самоценностью
 - 4) Аккумулятивность;
 - 5) Способность отмыкания памяти: «Всякий чердак - это Машина времени, в ней тупоумные старики, вроде меня, могут отправиться на сорок лет назад. . . Каждый ящик и ящичек - словно крохотный саркофаг, где покоятся тысячи вчерашних дней» [Рэй Брэдбери: эл. ресурс].
 - 6) Чувствительность к судьбе вещей, участи, которую ты можешь с ней разделить: «Помню белоснежную с нежно-кремовыми подпалинами редкую раковину. . . , бог весть как нашедшую свой путь в тот шахтёрский городок, где я совпал с ней во времени и пространстве и спас её от незавидной судьбы пепельницы» [Соколовский: 717].
- Некоторые из этих свойств имеют врождённый характер, а некоторые появляются в ходе духовного, жизненного освоения.

Источники и литература

- 1) Соколовский С.В. Из детства – с приветом. Автоэтнографические этюды // Антропология социальных перемен: сб. ст. [отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова]. М., РОССПЭН, 2011.
- 2) Шипулина Н.Б. Реалогическая парадигма в российской философии культуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Культурология. – 2014. – № 8 (93).
- 3) Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX – XX веков. М.: Советский писатель, 1988.
- 4) 4. Рэй Брэдбери. Запах Сарсапарели: <https://bookocean.net/read/b/24767>